

**РАССКАЗЫ О
ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЕ**

ВЫХОДНОЕ ПЛАТЬЕ

Автор: Сергей Алексеев

Было это ещё до начала войны с фашистами.

Кате Извековой подарили родители новое платье. Платье нарядное, шёлковое, выходное.

Не успела Катя обновить подарок. Грянула война. Осталось платье висеть в шкафу. Думала Катя: завершится война, вот и наденет она своё выходное платье.

Фашистские самолёты не переставая бомбили с воздуха Севастополь.

Под землю, в скалы ушёл Севастополь.

Военные склады, штабы, школы, детские сады, госпитали, ремонтные мастерские, даже кинотеатр, даже парикмахерские — всё это врезалось в камни, в горы.

Под землёй организовали севастопольцы и два военных завода.

На одном из них и стала работать Катя Извекова. Завод выпускал миномёты, мины, гранаты. Затем начал осваивать производство авиационных бомб для севастопольских лётчиков.

Всё нашлось в Севастополе для такого производства: и взрывчатка, и металл для корпуса, даже нашлись взрыватели. Нет лишь одного. Порох, с помощью которого подрывались бомбы, должен был засыпаться в мешочки, сшитые из натурального шёлка.

Стали разыскивать шёлк для мешочков. Обратились на различные склады.

На один:

— Нет натурального шёлка.

На второй:

— Нет натурального шёлка.

Ходили на третий, четвёртый, пятый.

Нет нигде натурального шёлка.

И вдруг... Является Катя. Спрашивают у Кати:

— Ну что — нашла?

— Нашла, — отвечает Катя.

Верно, в руках у девушки свёрток.

Развернули Катин свёрток. Смотрят: в свёртке — платье. То самое. Выходное. Из натурального шёлка.

— Вот так Катя!

— Спасибо, Катя!

Разрезали на заводе Катино платье. Сшили мешочки. Засыпали порох. Вложили мешочки в бомбы. Отправили бомбы к лётчикам на аэродром.

Вслед за Катей и другие работницы принесли на завод свои выходные платья. Нет теперь перебоев в работе завода. За бомбой готова бомба.

Поднимаются лётчики в небо. Точно бомбы ложатся в цель.

БУЛ-БУЛЬ

Автор: Сергей Алексеев

Не стихают бои в Сталинграде. Рвутся фашисты к Волге. Обозлил сержанта Носкова какой-то фашист. Траншеи наши и гитлеровцев тут проходили рядом. Слышна из окопа к окопу речь.

Сидит фашист в своём укрытии, выкрикивает:

— Рус, завтра буль-буль!

То есть хочет сказать, что завтра прорвутся фашисты к Волге, сбросят в Волгу защитников Сталинграда.

Сидит фашист, не высовывается. Лишь голос из окопа доносится:

— Рус, завтра буль-буль. — И уточняет: — Буль-буль у Вольга.

Действует это «буль-буль» на нервы сержанту Носкову. Другие спокойны. Кое-кто из солдат даже посмеивается.

А Носков:

— Эка ж, проклятый фриц! Да покажись ты. Дай хоть взглянуть на тебя.

Гитлеровец как раз и высунулся. Глянул Носков, глянули другие солдаты. Рыжеват. Осповат. Уши торчком. Пилотка на темени чудом держится.

Высунулся фашист и снова:

— Буль-буль!

Кто-то из наших солдат схватил винтовку. Вскинул, прицелился.

— Не трожь! — строго сказал Носков.

Посмотрел на Носкова солдат удивлённо. Пожал плечами. Отвёл винтовку.

До самого вечера каркал ушастый немец: «Рус, завтра буль-буль. Завтра у Вольга».

К вечеру фашистский солдат умолк.

«Заснул», — поняли в наших окопах. Стали постепенно и наши солдаты дремать. Вдруг видят, кто-то стал вылезать из окопа. Смотрят — сержант Носков. А следом за ним лучший его дружок рядовой Турянчик. Выбрались дружки-приятели из окопа, прижались к земле, поползли к немецкой траншее.

Проснулись солдаты. Недоумевают. С чего это вдруг Носков и Турянчик к фашистам отправились в гости? Смотрят солдаты туда, на запад, глаза в темноте ломают. Беспокоиться стали солдаты.

Но вот кто-то сказал:
— Братцы, ползут назад.
Второй подтвердил:

— Так и есть, возвращаются.

Всмотрелись солдаты — верно. Ползут, прижавшись к земле, друзья. Только не двое их. Трое. Присмотрелись бойцы: третий солдат фашистский, тот самый — «буль-буль». Только не ползёт он. Волокут его Носков и Турянчик. Кляп во рту у солдата.

Притащили друзья крикуна в окоп. Передохнули и дальше в штаб.

Однако дорогой сбежали к Волге. Схватили фашиста за руки, за шею, в Волгу его макнули.

— Буль-буль, буль-буль! — кричит озорно Турянчик.

— Буль-буль, — пускает фашист пузыри. Трясётся как лист осиновый.

— Не бойся, не бойся, — сказал Носков. — Русский не бьёт лежачего.

Сдали солдаты пленного в штаб.

Махнул на прощание фашисту Носков рукой.

— Буль-буль, — прощаясь, сказал Турянчик.

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

Автор: Сергей Алексеев

Задание было необычным. Называлось оно особым.

Командир бригады морских пехотинцев полковник Горпищенко так и сказал:

— Задание необычное. Особое. — Потом переспросил:

— Понятно?

— Понятно, товарищ полковник, — ответил старшина-пехотинец — старший над группой разведчиков.

Был он вызван к полковнику один. Вернулся к своим товарищам. Выбрал в помощь двоих, сказал:

— Собирайтесь. Задание выпало нам особое.

Однако что за особое, пока старшина не говорил.

Дело было под новый, 1942 год. Ясно разведчикам: в такую-то ночь, конечно, задание сверхособое. Идут разведчики за старшиной, переговариваются:

— Может, налёт на фашистский штаб?

— Бери выше, — улыбается старшина.

— Может, в плен генерала схватим?

— Выше, выше, — смеётся старший.

Переправились ночью разведчики на территорию, занятую фашистами, продвинулись вглубь. Идут осторожно, крадучись.

Опять разведчики:

— Может, мост, как партизаны, идём взрывать?

— Может, на фашистском аэродроме произведём диверсию?

Смотрят на старшего. Улыбается старший.

Ночь. Темнота. Немота. Глухота. Идут в фашистском тылу разведчики. Спускались с кручи. На гору лезли.

Вступили в сосновый лес. Крымские сосны вцепились в камни. Запахло приятно хвоей. Детство солдаты вспомнили.

Подошёл старшина к одной из сосенок. Обошёл, посмотрел, даже ветви рукой пощупал.

— Хороша?

— Хороша, — говорят разведчики.

Увидел рядом другую.

— Эта лучше?

— Сдаётся, лучше, — кивнули разведчики.

— Пушиста?

— Пушиста.

— Стройна?

— Стройна!

— Что же — к делу, — сказал старшина. Достал топор и срубил сосенку. — Вот и всё, — произнёс старшина. Взвалил сосенку себе на плечи. — Вот и управились мы с заданием.

— Вот те и на, — вырвалось у разведчиков.

На следующий день разведчики были отпущены в город, на новогоднюю ёлку к детям в детский дошкольный подземный сад.

Стояла сосенка. Стройна. Пушиста. Висят на сосенке шары, гирлянды, разноцветные фонарики горят.

Вы спросите: почему же сосна, не ёлка? Не растут в тех широтах ёлки. Да и для того, чтобы сосенку добыть, надо было к фашистам в тылы пробраться.

Не только здесь, но и в других местах Севастополя зажгли в тот нелёгкий год для детей новогодние ёлки.

Видать, не только в бригаде морских пехотинцев у полковника Горпищенко, но и в других частях задание для разведчиков в ту предновогоднюю ночь было особым.

ОГОРОДНИКИ

Автор: Сергей Алексеев

Было это незадолго до Курской битвы. В стрелковую часть прибыло пополнение.

Старшина обходил бойцов. Шагает вдоль строя. Рядом идёт ефрейтор. Держит карандаш и блокнот в руках.

Глянул старшина на первого из бойцов:

— Картошку сажать умеешь?

Боец смутился, пожал плечами.

Дальше шагнул старшина:

— Картошку сажать умеешь?

— Умею! — звонко сказал солдат.

— Два шага вперёд.

Вышел солдат из строя.

— Пиши в огородники, — сказал старшина ефрейтору.

Дальше идёт старшина:

— Картошку сажать умеешь?

— Умею.

— Умею.

— Не пробовал.

— Умею.

— Не приходилось, но если надо...

— Умею.

— Умею.

— Хватит, — сказал старшина.

Вышли вперёд бойцы. Оказался в строю умеющих и солдат Анатолий Скурко. Гадают солдат Скурко: куда это их, умеющих? «Картошку сажать — так по времени поздно. (Уже вовсю заиграло лето.) Если её копать, то по времени очень рано».

Гадают солдат Скурко. И другие бойцы гадают:

— Картошку сажать?

— Морковку сеять?

— Огурцы для штабной столовой?

Посмотрел на солдат старшина.

— Ну что же, — сказал старшина. — Отныне вам быть в минёрах, — и вручает солдатам мины.

Приметил лихой старшина, что тот, кто умеет сажать картофель, быстрее и надёжнее ставит мины. Усмехнулся солдат Скурко. Не сдержали улыбок и другие солдаты.

Приступили к делам огородники. Конечно, не сразу, не в тот же миг. Ставить мины не такое простое дело. Специальную тренировку прошли солдаты. На многие километры на север, на юг, на запад от Курска протянули минёры минные поля и заслоны. Только в первый день Курской битвы на этих полях и заслонах подорвалось более ста фашистских танков и самоходных орудий.

Идут минёры.

— Ну как, огородники?

— Полный во всём порядок.

ЗЛАЯ ФАМИЛИЯ

Автор: Сергей Алексеев

Стеснялся солдат своей фамилии. Не повезло ему при рождении. Трусов его фамилия.

Время военное. Фамилия броская.

Уже в военкомате, когда призывали солдата в армию, — первый вопрос:

— Фамилия?

— Трусов.

— Как-как?

— Трусов.

— Д-да... — протянули работники военкомата.

Попал боец в роту.

— Как фамилия?

— Рядовой Трусов.

— Как-как?

— Рядовой Трусов.

— Д-да... — протянул командир.

Много бед от фамилии принял солдат. Кругом шутки да прибаутки:

— Видать, твой предок в героях не был.

— В обоз при такой фамилии!

Привезут полевую почту. Соберутся солдаты в круг.

Идёт раздача прибывших писем. Называют фамилии:

— Козлов! Сизов! Смирнов!

Всё нормально. Подходят солдаты, берут свои письма.

Выкрикнут:

— Трусов!

Смеются кругом солдаты.

Не вяжется с военным временем как-то фамилия. Горе солдату с этой фамилией.

В составе своей 149-й отдельной стрелковой бригады рядовой Трусов прибыл под Сталинград. Переправили бойцов через Волгу на правый берег. Вступила бригада в бой.

— Ну, Трусов, посмотрим, какой из тебя солдат, — сказал командир отделения.

Не хочется Трусову оскандалиться. Старается. Идут солдаты в атаку. Вдруг слева застрочил вражеский пулемёт. Развернулся Трусов. Из автомата дал очередь. Замолчал неприятельский пулемёт.

— Молодец! — похвалил бойца командир отделения.

Пробежали солдаты ещё несколько шагов. Снова бьёт пулемёт.

Теперь уже справа. Повернулся Трусов. Подобрался к пулемётчику. Бросил гранату. И этот фашист утих.

— Герой! — сказал командир отделения.

Залегли солдаты. Ведут перестрелку с фашистами. Кончился бой. Подсчитали солдаты убитых врагов. Двадцать человек оказалось у того места, откуда вёл огонь рядовой Трусов.

— О-о! — вырвалось у командира отделения. — Ну, брат, злая твоя фамилия. Злая!

Улыбнулся Трусов.

За смелость и решительность в бою рядовой Трусов был награждён медалью.

Висит на груди у героя медаль «За отвагу». Кто ни встретит — глаза на награду скосит.

Первый к солдату теперь вопрос:

— За что награждён, герой?

Никто не переспросит теперь фамилию. Не хихикнет теперь никто. С ехидством словцо не бросит.

Ясно отныне бойцу: не в фамилии честь солдатская — дела человека красят.

ВЯЗЬМА

Автор: Сергей Алексеев

Привольны поля под Вязьмой. К небу бегут холмы.
Слова из были не выкинешь. Под городом Вязьмой
большая группа советских войск попала к врагу в
окружение. Довольны фашисты.

Сам Гитлер, предводитель фашистов, звонит на фронт:

— Окружены?

— Так точно, наш фюрер, — рапортуют фашистские генералы.

— Сложили оружие?

Молчат генералы.

— Сложили оружие?

Вот смелый один нашёлся.

— Нет. Осмелюсь доложить, мой фюрер... — Генерал что-то хотел сказать.

Однако Гитлер отвлёкся чем-то. Наполуслове прервалась речь.

Вот уже несколько дней, находясь в окружении, советские солдаты ведут упорные бои. Сковали они фашистов. Срывается фашистское наступление. Застряли враги под Вязьмой.

Снова Гитлер звонит из Берлина:

— Окружены?

— Так точно, наш фюрер, — докладывают фашистские генералы.

— Сложили оружие?

Молчат генералы.

— Сложили оружие?

— Нет.

Страшная брань понеслась из трубки.

— Осмелюсь доложить, мой фюрер, — пытается что-то сказать тот, смелый. — Наш Фридрих Великий ещё сказал...

Однако не слушает дальше фюрер. Бросил с досадой трубку.

Снова проходят дни. Не утихают бои под Вязьмой. Застряли, завязли враги под Вязьмой.

Вяжет их Вязьма, вяжет. За горло рукой взяла!

В гневе великом фюрер. Снова звонок из Берлина.

— Сложили оружие?

Молчат генералы.

— Сложили оружие?!

— Нет, — за всех отвечает смелый.

Снова брызнул поток нехороших слов. Заплясала мембрана в трубке.

Притих генерал. Переждал. Уловил минутку:

— Осмелюсь доложить, мой фюрер, наш великий, наш мудрый король Фридрих ещё сказал...

Слушает Гитлер:

— Ну, ну так что же сказал наш Фридрих?

— Фридрих Великий сказал, — повторил генерал, — русских нужно дважды застрелить. А потом ещё и толкнуть, мой фюрер, чтобы они упали.

Буркнул что-то невнятное в трубку фюрер.

Отсоединился берлинский провод.

Целую неделю под Вязьмой не утихали бои.

Неоценимой была для Москвы неделя. За эти дни защитники Москвы успели собраться с силами и подготовили для обороны удобные рубежи.

Привольны поля под Вязьмой. К небу бегут холмы.

Здесь на полях, на холмах под Вязьмой сотни лежат героев. Здесь, защищая Москву, совершили советские люди ратный великий подвиг.

Знай!

Запомни!

Светлую память о них храни!

ГЕНЕРАЛ ЖУКОВ

Автор: Сергей Алексеев

Командующим Западным фронтом — фронтом, в состав которого входило большинство войск, защищавших Москву, был назначен генерал армии Георгий Константинович Жуков.

Прибыл Жуков на Западный фронт. Докладывают ему штабные офицеры боевую обстановку. Бои идут у города Юхнова, у Медыни, возле Калуги. Находят офицеры на карте Юхнов.

— Вот тут, — докладывают, — у Юхнова, западнее города... — и сообщают, где и как расположены фашистские войска у города Юхнова.

— Нет, нет, не здесь они, а вот тут, — поправляет офицеров Жуков и сам указывает места, где находятся в это время фашисты.

Переглянулись офицеры. Удивлённо на Жукова смотрят.

— Здесь, здесь, вот именно в этом месте. Не сомневайтесь, — говорит Жуков.

Продолжают офицеры докладывать обстановку.

— Вот тут, — находят на карте город Медынь, — на северо-запад от города, сосредоточил противник большие силы, — и перечисляют, какие силы: танки, артиллерию, механизированные дивизии...

— Так, так, правильно, — говорит Жуков. — Только силы не вот здесь, а вот тут, — уточняет по карте Жуков.

Опять офицеры удивлённо на Жукова смотрят. Забыли они про дальнейший доклад, про карту.

— Слушаю дальше, — сказал командующий.

Вновь склонились над картой штабные офицеры.

Докладывают Жукову, какова боевая обстановка у города Калуги.

— Вот сюда, — говорят офицеры, — к югу от Калуги, подтянул противник мотомехчасти. Вот тут в эту минуту они стоят.

— Нет, — возражает Жуков. — Не в этом месте они сейчас. Вот куда передвинуты части, — и показывает новое место на карте.

Остолбенели штабные офицеры. С нескрываемым удивлением на нового командующего смотрят. Уловил Жуков недоверие в глазах офицеров. Усмехнулся.

— Не сомневайтесь. Всё именно так. Вы молодцы — обстановку знаете, похвалил Жуков штабных офицеров. — Но у меня точнее.

Оказывается, побывал уже генерал Жуков и под Юхновом, и под Медынью, и под Калугой. Прежде чем в штаб — поехал прямо на поле боя. Вот откуда точные сведения.

Во многих битвах принимал участие генерал, а затем Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков — выдающийся советский полководец, герой Великой Отечественной войны. Это под его руководством и под руководством других советских генералов советские войска отстояли Москву от врагов. А затем в упорных сражениях и разбили фашистов в Великой Московской битве.

МОСКОВСКОЕ НЕБО

Автор: Сергей Алексеев

Было это ещё до начала Московской битвы.

Размечтался в Берлине Гитлер. Гадает: как поступить с Москвой? Мучается — что бы сделать такое необычное, оригинальное. Думал, думал...

Придумал такое Гитлер. Решил Москву затопить водой. Построить огромные плотины вокруг Москвы. Залить водой и город, и всё живое.

— Сразу погибнет всё: люди, дома и Московский Кремль!

Прикрыл он глаза. Видит: на месте Москвы бездонное плещется море!

— Будут помнить меня потомки!

Потом подумал: «Э-э, пока набежит вода...»

— Ждать?!

Нет, несогласен он долго ждать.

— Уничтожить сейчас же! В сию минуту!

Подумал Гитлер, и вот приказ:

— Разбомбить Москву! Уничтожить! Снарядами! Бомбами! Послать эскадрильи! Послать армады! Не оставить камня на камне! Сровнять с землёй!

Выбросил руку вперёд, как шпагу:

— Уничтожить! Сровнять с землёй!

— Так точно, сровнять с землёй, — замерли в готовности фашистские генералы.

22 июля 1941 года, ровно через месяц после начала войны, фашисты совершили первый воздушный налёт на Москву.

Сразу 200 самолётов послали в этот налёт фашисты. Нагло гудят моторы.

Развалились в креслах своих пилоты. Всё ближе Москва, всё ближе. Потянулись фашистские лётчики к бомбовым рычагам.

Но что такое?! Скрестились в небе ножами-шпагами мощные прожекторы. Поднялись навстречу воздушным разбойникам краснозвёздные советские истребители.

Не ожидали фашисты подобной встречи. Расстроился строй врагов. Лишь немногие самолёты прорвались тогда к Москве. Да и те торопились. Бросали бомбы куда придётся, скорей бы их сбросить и бежать отсюда.

Сурово московское небо. Крепко наказан непрошенный гость. 22 самолёта сбито.

— Н-да... — протянули фашистские генералы.

Задумались. Решили посылать теперь самолёты не все сразу, не общей кучей, а небольшими группами.

— Будут наказаны большевики!

На следующий день вновь 200 самолётов летят на Москву. Летят небольшими группами — по три, четыре машины в каждой.

И снова их встретили советские зенитчики, снова их отогнали краснозвёздные истребители.

В третий раз посылают фашисты на Москву самолёты. Неглупыми, изобретательными были генералы у Гитлера. Новый придумали план генералы. Надо самолёты послать в три яруса, решили они. Одна группа самолётов пусть летит невысоко от земли. Вторая — чуть выше. А третья — и на большой высоте, и чуть с опозданием. Первые две группы отвлекут внимание защитников московского неба, рассуждают генералы, а в это время на большой высоте незаметно к городу подойдёт третья группа, и лётчики сбросят бомбы точно на цели.

И вот снова в небе фашистские самолёты. Развалились в креслах своих пилоты. Гудят моторы. Бомбы застыли в люках.

Идёт группа. За ней вторая. А чуть поотстав, на большой высоте, третья. Самым последним летит самолёт особый, с фотоаппаратами. Сфотографирует он, как разрушат фашистские самолёты Москву, привезёт напоказ генералам...

Ждут генералы известий. Вот и возвращается первый самолёт. Заглохли моторы. Остановились винты. Вышли пилоты. Бледные-бледные. Едва на ногах стоят.

Пятьдесят самолётов потеряли в тот день фашисты. Не вернулся назад и фотограф. Сбили его в пути.

Неприступно московское небо. Строго карает оно врагов. Рухнул коварный расчёт фашистов.

Мечтали фашисты и их бесноватый фюрер уничтожить Москву до основ, до камня. А что получилось?

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Автор: Сергей Алексеев

1941 год. 7 Ноября. Годовщина Великой Октябрьской социалистической революции.

Враг рядом. Советские войска оставили Волоколамск и Можайск. На отдельных участках фронта фашисты подошли к Москве и того ближе. Бои идут у Наро-Фоминска, Серпухова и Тарусы.

Но как всегда, в этот дорогой для всех граждан Советского Союза день, в Москве, на Красной площади, состоялся военный парад в честь великого праздника.

Когда солдату Митрохину сказали, что часть, в которой он служит, будет принимать участие в параде на Красной площади, не поверил солдат вначале. Решил, что ошибся, ослышался, что-то неверно понял.

— Парад! — объясняет ему командир. — Торжественный, на Красной площади.

— Так точно, парад, — отвечает Митрохин. Однако в глазах неверие.

И вот замер Митрохин в строю. Стоит он на Красной площади. И слева стоят от него войска. И справа стоят войска. Руководители партии и члены правительства на ленинском Мавзолее. Всё точь-в-точь как в былое мирное время.

Только редкость для этого дня — от снега бело кругом. Рано нынче мороз ударил. Падал снег всю ночь до утра. Побелил Мавзолей, лёг на стены Кремля, на площадь.

8 часов утра. Сошлись стрелки часов на кремлёвской башне.

Отбили куранты время.

Минута. Всё стихло. Командующий парадом отдал традиционный рапорт. Принимающий парад поздравляет войска с годовщиной Великого Октября. Опять всё стихло. Ещё минута. И вот вначале тихо, а затем всё громче и громче звучат слова Председателя Государственного Комитета Обороны, Верховного Главнокомандующего Вооружёнными Силами СССР товарища Сталина.

Сталин говорит, что не в первый раз нападают на нас враги. Что были в истории молодой Советской Республики и более тяжёлые времена. Что первую годовщину Великого Октября мы встречали окружёнными со всех сторон захватчиками.

Что против нас тогда воевало 14 капиталистических государств и мы потеряли три четвертых своей территории. Но советские люди верили в победу. И они победили. Победят и сейчас.

— На вас, — долетают слова до Митрохина, — смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков.

Застыли в строю солдаты.

— Великая освободительная миссия выпала на вашу долю, — летят сквозь мороз слова. — Будьте же достойными этой миссии!

Подтянулся Митрохин. Лицом стал суровее, серьезнее, строже.

— Война, которую вы ведёте, есть война освободительная, война справедливая. — И вслед за этим Сталин сказал: — Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!

Биты фашисты. Москва же стоит и цветёт, как прежде. Хорошеет от года к году.

СЛУЧАЙ НА ПЕРЕПРАВЕ

Автор: Г.В. Абрамян

Был у нас в роте один солдат. До войны он учился в музыкальном институте и так замечательно играл на баяне, что один из бойцов как-то сказал:

- Братцы, это уму непостижимый обман! Наверное, в этом ящике спрятан какой-то хитрый механизм! Вот посмотреть бы...

— Пожалуйста,— ответил баянист.— Мне как раз пора мехи подклеить.

И у всех на глазах разобрал инструмент.

— Тю-ю,— разочарованно протянул боец.— Пусто, как в стрелянной гильзе... 3

Внутри баяна, между двух деревянных коробков, соединённых кожаны́м мехом-гармошкой, в самом деле было пусто. Лишь на боковых дощечках, там, где снаружи расположены кнопки-пуговицы, оказались широкие металлические пластины с дырочками разных размеров. За каждой дырочкой спрятана узкая медная планка-лепесток. При растягивании меха воздух проходит через отверстия и приводит в колебание медные лепестки. И те звучат. Тонкие — высоко. Потолще — пониже, а толстые лепестки словно поют басом. Если музыкант сильно растягивает мехи — пластинки звучат громко. Если воздух нагнетается слабо, пластинки колеблются чуть-чуть, и музыка получается тихой-тихой. Вот и все чудеса!

А настоящим чудом были пальцы нашего баяниста. Удивительно играл, ничего не скажешь!

И это удивительное умение не раз помогало нам в трудной фронтовой жизни.

Наш баянист и настроение вовремя поднимет, и на морозе греет — заставляет плясать, и бодрость в приунывшего вселяет, и довоенную счастливую юность заставит вспомнить: родные края, матерей и любимых. А однажды...

Однажды вечером по приказу командования мы меняли боевые позиции. В бой с немцами велено было ни в коем случае не вступать. На нашем пути протекала не очень широкая, но глубокая речка с одним-единственным бродом, которым мы и воспользовались. На том берегу остались командир и радист, они заканчивали сеанс связи.

Их-то и отрезали внезапно нагрянувшие фашистские автоматчики. И хотя немцы не знали, что наши были на их берегу, переправу держали под огнём, и перейти брод не было никакой возможности. А когда наступила ночь, немцы стали освещать брод ракетами. Что и говорить — положение казалось безвыходным.

Вдруг наш баянист, ни слова не говоря, достаёт свой баян и начинает играть «Катюшу».

Немцы сначала опешили. Потом опомнились и обрушили на наш берег шквальный огонь. А баянист внезапно оборвал аккорд и замолк. Немцы перестали стрелять. Кто-то из них радостно завопил: «Рус, Рус, капут, баян!»

А с баянистом никакого капута не произошло. Заманивая немцев, он отполз вдоль берега подальше от переправы и снова заиграл задорную «Катюшу».

Немцы этот вызов приняли. Они стали преследовать музыканта, и поэтому на несколько минут оставили брод без осветительных ракет.

Командир и радист тотчас сообразили, для чего наш баянист затеял с немцами «музыкальную» игру, и, не мешкая, проскочили бродом на другой берег.

Вот какие случаи бывали с нашим солдатом-баянистом и его другом баяном, к слову сказать, названным так в честь древнерусского певца Б о я н а.

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Владимир Богомолов

Четко печатая шаг, идет смена почетного караула пионеров города-героя. В руках у них настоящие автоматы, с которыми их отцы и деды сражались за город на Волге.

«Раз-два-три!» — шагают мальчишки в красных галстуках по лестнице к гранитному обелиску, что возвышается над братской могилой защитников Сталинграда.

«Раз-два-три!» — расходится почетный караул пионеров.

«Раз-два!» — сменяют они на посту своих товарищей.

Вьются вверх языки пламени Вечного огня.

Звучит торжественно музыка.

Все, стоящие у братской могилы в сквере на площади Павших борцов, снимают шапки...

Ваня и дедушка тоже снимают.

Молча стоят люди.

Они чтут память тех, кто отдал свои жизни за победу над врагом, за победу над гитлеровским фашизмом.

Ваня поднимает голову и смотрит на дедушку, на его китель, на ордена и медали.

— «За оборону Сталинграда!» — шепчут губы мальчика.

— Вот она какая, медаль, которой так дорожит дедушка!..

Ваня смотрит на дедушку, на медаль, на пионеров, стоящих в почетном карауле у Вечного огня, и думает, что вырастет он скоро и станет пионером, и сделает много хороших дел, чтобы получить право шагать в строю почетного караула и заступить на почетную вахту у памятника героям.

МАМАЕВ КУРГАН

Владимир Богомолов

В середине сентября противник, получив свежие резервы, усилил атаки. Немецко-фашистским войскам удалось прорваться к центру города, к реке Царице, и выйти к Мамаеву кургану, закрепиться на отдельных высотах...

Фашистские генералы понимали, что если им удастся удержаться на отдельных высотах и овладеть Мамаевым курганом, то они смогут простреливать Сталинград по всем направлениям, а затем и окончательно захватить город. И в эти тяжелые и опасные для города дни командование Сталинградским фронтом из резерва Ставки выделило в помощь защитникам города 13-ю гвардейскую дивизию генерал-майора Родимцева.

С воздуха гвардейцам помогали летчики под командованием генералов Голованова и Руденко. Плотным огнем обстреливали вражеские позиции артиллеристы Сталинградского фронта.

Бойцы-гвардейцы Родимцева успешно переправились на правый берег и неожиданной контратакой отбросили прорвавшегося в центр города противника.

Но господствующие высоты над городом, в том числе и часть Мамаева кургана, все еще находились в руках гитлеровских войск.

Гвардейцам дивизии генерала Родимцева был дан приказ: выбить врага с Мамаева кургана.

* * *

Целый день полк майора Долгова штурмовал высоту. Фашисты на вершине высоты установили пулеметы и минометы и непрерывно обстреливали наступавших бойцов.

Но гвардейцы, где ползком, где перебежками, подбирались к вершине. Было уже темно, когда бойцы достигли середины склона. Ночью батальон капитана Кирина ворвался в траншеи фашистов. Ни на минуту не умолкали автоматы, рвались гранаты. Темное ночное небо прорезали трассирующие пули. Лязгало железо: это наши бойцы в рукопашной схватке били прикладами гитлеровцев по каскам. Кричали дерущиеся, стонали раненые.

Наконец фашисты дрогнули и стали отходить. Гвардейцы полностью овладели высотой.

Но на рассвете немцы снова пошли в наступление. Ударили вражеские минометы, самолеты начали бомбить наши позиции.

Огонь и дым закрыли всю вершину.

На высоту в атаку двинулись два полка пехоты и танки противника.

Двенадцать раз сходились наши бойцы врукопашную с врагом. То вниз откатывались гвардейцы, то отступали фашисты. Но гитлеровцам так и не удалось вернуть вершину кургана.

На третий день фашисты подбросили подкрепление — уже целая дивизия пошла на полк Долгова. На каждого нашего бойца приходилось до десяти гитлеровцев.

Снова грохотали вражеские пушки, утюжили окопы гусеницы танков, пикировали фашистские самолеты. Но ничто не устрасило защитников кургана.

Они не дрогнули. Стояли насмерть.

На окоп комсомольца матроса Миши Паникаха шел тяжелый танк.

Комсомолец приготовился к поединку — поднял бутылку с горючей смесью, но в этот момент вражеская пуля разбила бутылку. Жидкость мгновенно воспламенилась и облила смельчака. Горящим факелом поднялся над землей Миша Паникаха и, держа в руках вторую бутылку, пошел на вражеский танк...

* * *

Во время боя была повреждена линия связи.

Лейтенант послал одного бойца исправить повреждение. Но тот не добрался до оборванного провода.

Послали второго, но и он не дошел.

Послали третьего — Матвея Путилова.

Прошло несколько минут — телефон заработал. Но Путилов не возвращался.

По его следу пополз сержант Смирнов и увидел связиста около воронки мертвым, зубы его зажали концы перебитого провода. Видно, Матвей, пока полз, был тяжело ранен, ослаб, потеряв много крови, и не сумел соединить руками концы перебитого провода.

Связист взял концы провода в рот и зажал их зубами. Вот тогда и заработал на командном пункте телефон.

* * *

Может быть, Матвея Путилова ранило не осколком от мины или снаряда, а подбил вражеский снайпер?

Как раз тогда появился на кургане немецкий снайпер, руководитель берлинской школы снайперов. Много наших бойцов вывел он из строя.

Фашист так замаскировался, что невозможно было его обнаружить.

Вызвал тогда командир к себе коммуниста Василия Зайцева. Отличный был снайпер Зайцев.

Это он сказал на кургане: «За Волгой для нас земли нет!» И его слова стали клятвой для всех защитников Сталинграда.

Вызвал к себе командир Зайцева и дал задание обнаружить и уничтожить фашиста.

Пополз Зайцев подыскивать для себя удобное место, а фашист, верно, заметил его: только Василий снял каску и положил ее на бруствер окопа, пуля — хлоп! — и пробила каску.

Притаился Зайцев и стал ждать, когда фашист еще раз выстрелит, обнаружит себя. Прошел час, другой...

Фашист молчит.

«Ничего, — думает Зайцев, — подождем».

Несколько часов затаив дыхание лежал боец и ждал.

Утром, когда холодное солнце только-только осветило землю, раздался выстрел — кого-то заприметил немецкий снайпер.

Этого было достаточно, чтобы снайперская пуля Зайцева попала в цель.

* * *

На правом склоне Мамаева кургана, около небольшого оврага, где протекает маленький ручей, стоял батальон капитана Беняша.

По восемь-десять раз в день ходили фашисты в атаку на окопы батальона. Немцы остались без воды, а ручеек протекал по дну оврага. Вот они и решили отвоевать овраг. Сто с лишним дней сдерживали бойцы атаки врага, но воды из этого ручья фашисты так и не напились.

* * *

Наше командование осуществляло подготовку плана генерального наступления. Важно было все сохранить в глубокой тайне от противника. Для переброски солдат и военной техники, боеприпасов и продовольствия по железным дорогам ежедневно отправлялись 1300 вагонов; в перевозках военного груза были заняты 27 тысяч автомашин. Переброска войск и техники производилась скрытно.

В штабах фронтов — Юго-Западного (командующий генерал армии Н. Ф. Ватутин), Донского (командующий генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский), Сталинградского (командующий генерал-полковник А. И. Еременко) — уточняли и подробно изучали план контрнаступления: решено было зажать в гигантские клещи главную группировку врага в районе Сталинграда — армии Паулюса и Гота, нанести по ним стремительные удары северо-западнее и южнее Сталинграда, а затем выйти в район города Калач-на-Дону, замкнуть кольцо вражеской группировки и разгромить фашистские армии.

И 19 ноября 1942 года после длительной артиллерийской подготовки, в которой участвовали 1500 орудий, началось осуществление генерального плана контрнаступления.

В наступление перешли войска Юго-Западного и Донского фронтов, а 20 ноября пошли в наступление войска Сталинградского фронта.

ПОБЕДА

Автор: Сергей Алексеев

— Сержант Егоров!

— Я сержант Егоров!

— Младший сержант Кантария!

— Я младший сержант Кантария!

Бойцов вызвал к себе командир. Советским солдатам доверялось почётное задание. Им вручили боевое знамя. Это знамя нужно было установить на здании рейхстага.

Бойцы взяли под козырёк и ушли. Многие с завистью смотрели им вслед. Каждый сейчас хотел быть на их месте.

У рейхстага идёт бой.

Пригнувшись, бегут Егоров и Кантария через площадь. Советские воины внимательно следят за каждым их шагом. Вдруг фашисты открыли бешеный огонь, и знаменосцам приходится залечь за укрытие. Тогда наши бойцы вновь начинают атаку, и Егоров и Кантария бегут дальше.

Вот они уже на лестнице. Подбежали к колоннам, подпирающим вход в здание. Кантария подсаживает Егорова, и тот пытается прикрепить знамя у входа в рейхстаг.

— Ох, выше бы! — вырывается вздох у наблюдающих бойцов.

И, как бы услышав просьбу товарищей, Егоров и Кантария снимают знамя и бегут дальше. Они врываются в рейхстаг и исчезают за его дверьми.

Бой уже идёт на втором этаже. Проходит несколько минут, и в одном из окон, недалеко от центрального входа, вновь появляется красное знамя. Появилось. Качнулось. И вновь исчезло.

Забеспокоились солдаты. Что с товарищами? Не убиты ли?!

Проходит минута, две... десять. Тревога всё больше и больше охватывает солдат. Проходит ещё тридцать минут, но ни Егорова, ни Кантария, ни знамени больше не видно.

И вдруг крик радости вырывается у сотен бойцов. Знамя цело. Друзья живы. Пригнувшись, они бегут на самом верху здания — по крыше. Вот они выпрямились во весь рост, держат знамя в руках и приветственно машут товарищам.

Потом вдруг бросаются к застеклённому куполу, который поднимается над крышей рейхстага, и осторожно начинают карабкаться ещё выше.

— Правильно, туда его — к самому небу! — кричат солдаты.

— Выше, братишки, выше!

На площади и в здании ещё шли бои, а на крыше рейхстага, на самом верху, в весеннем небе над побеждённым Берлином уже уверенно развевалось Знамя Победы. Два советских воина Михаил Егоров, Милитон Кантария, а вместе с ними и тысячи других бойцов разных национальностей сквозь метель и непогоду войны принесли его сюда, в самое фашистское логово, и установили на страх врагам как символ непобедимости советского оружия.

Прошло несколько дней, и фашистские генералы признали себя окончательно побеждёнными. Гитлеровская Германия была полностью разбита. Великая освободительная война советского народа против фашизма закончилась полной нашей победой.

Вскоре в Москве на Красной площади состоялся грандиозный Парад Победы. Сводные полки, приехавшие с фронтов, проходили мимо Мавзолея. Масса гостей на площади.

Проходят полки. Чеканят солдаты шаг. И в каждом шаге звучит как эхо: «Победа! Победа! Победа!»

Идут солдаты. А вот и особая вышла рота. Зашевелилась, задвигалась площадь:

— Что там несут солдаты?

Солдаты несли знамёна поверженной фашистской Германии. Вот поравнялись бойцы с Мавзолеем. Вот повернулись резко. Шагнули вперёд. Замерло всё на площади. Полетели на землю вражеские знамёна.

И снова идут полки. И снова в солдатском шаге как крик, как эхо: «Победа! Победа! Победа!»

А вечером был салют.

Ликовали земля и люди. Гремели, гремели, гремели залпы. То радость огнями взлетала в небо.

Победа!

Победа!

Победа!

ВОИН-ОСВОБОДИТЕЛЬ

. Автор: С. Т. Романовский

Над братской могилой советских воинов, на зелёном кургане стоит бронзовый воин-освободитель. На нём плащ-палатка. На левой руке он держит спасённого ребёнка.

А правой сжимает рукоять тяжёлого древнерусского меча. Этим мечом воин рассекает фашистскую свастику и попирает её обломки.

Внизу — белоствольные родные наши берёзы...

Воин держит в руке меч.

Между тем в минувшую войну мечей в армии не было. Наши воины были вооружены винтовками, автоматами, пулемётами, пушками... Не лучше ли было бы вложить в руку воина-освободителя, скажем, автомат?

Нет, не лучше.

Автоматы меняются, забываются, а меч остаётся как эмблема мужества. А для нашего государства, которое на протяжении сотен лет вело оборонительные войны, меч — символ защиты Отечества и воинской доблести. Оружие наших богатырей и великих полководцев.

И меч в руке у воина-освободителя, героя Великой Отечественной войны 1941 — 1945 годов, приравнивает его к былинным богатырям и связывает с героической историей нашей Родины.

В ИМПЕРАТОРСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

Автор: Сергей Алексеев

В центре Берлина огромное мрачное здание. Целый квартал занимало здание. Это имперская канцелярия — ставка Адольфа Гитлера.

Сотни комнат находилось в имперской канцелярии, сотни окон, множество лестниц, коридоров, просторных залов. Но не здесь, не в этих комнатах, этих залах, а глубоко под ними, в мрачном и глухом подземелье, в 16 метрах от поверхности земли, вдали от света, от солнца находился фюрер фашистской Германии.

Много фашистов набилось сюда, в подземелье. Тут и ближайшие помощники Гитлера: Геринг, Геббельс, Гиммлер. Тут и личный адъютант генерал Бургдорф, и личные лётчики, и личные врачи, и личная охрана Гитлера, и личный шофёр, и личная повариха, и даже любимая собака фюрера — овчарка Блонди. Не одна — с четырьмя щенятами.

Охраняло убежище Гитлера 700 отборных солдат. Тройным кольцом часовых была опоясана имперская канцелярия.

Здесь, в подземелье у фюрера, идут бесчисленные заседания и совещания. Шепчется он с приближёнными, ищет путей, как продержаться дольше, как затянуть войну. На чудо надеется Гитлер: вдруг не хватит у русских сил, вдруг вообще случится что-то негаданное.

Тяжёлые вести приходят с фронтов. Гитлер приходит в бешенство. Страшен фюрер в такие минуты. Глаза вот-вот, кажется, вылезут из орбит, на руках надуваются вены. Бегаёт Гитлер по комнате. Пробежит, остановится. Пробежит, остановится. И кричит, и кричит, и кричит. Эти крики словно удар хлыста. Цепенеют от них приближённые. Вжимают шеи в тугие армейские воротники. Готовы, как снег, растаять.

Особенно грозен был Гитлер тогда, когда пришло сообщение, что советские войска прорвали фашистскую оборону у Зееловских высот на Нейсе и на Одере.

— Измена!.. — кричал Гитлер.

— Труссы! Тупицы!.. — клял своих генералов.

— Расстрелять виновных! — Через минуту: — Нет, повесить! — Ещё через минуту: — Нет, расстрелять, а затем повесить...

И снова:

— Предатели!..

— Труссы!..

20 апреля 1945 года в подземелье отмечался день рождения фюрера. Нерадостен этот день — всё ближе и ближе подходят к Берлину русские. Сидит фюрер в кресле. Размяк, раскис. Опустил голову, не шевельнётся. Приходят приближённые, поздравляют Гитлера. Удаляются, словно тени. Крутятся возле Гитлера слуги и адъютанты. Чем отвлечь от недобрых дум, чем угодить — не знают.

Вдруг оттуда, сверху, послышались залпы. Один, второй, третий. Это советская артиллерия открыла огонь по Берлину. Все подняли головы вверх, застыли.

Встрепенулся Гитлер. Тоже голову поднял:

— Что там?

Не хватает ни у кого мужества сказать, в чём дело.

Стоят, друг на друга искоса смотрят. А потом все вместе — на адъютанта Гитлера генерала Бургдорфа. Не растерялся Бургдорф, вышел вперёд:

— Салют, мой фюрер! В вашу честь, мой фюрер!

Оживился Гитлер. Встал. Подтянулся. Руку за борт пиджака закинул.

Снова небо взорвали залпы. Война подошла к Берлину.

«Данке шён». Автор: Сергей Алексеев

На одной из берлинских улиц остановилась походная кухня. Только что откипели кругом бои. Ещё не остыли от схваток камни. Потянулись к еде солдаты. Вкусна после боя солдатская каша. Едят в три щеки солдаты.

Хлопочет у кухни Юрченко. Сержант Юрченко — повар, хозяин кухни. Хвалят солдаты кашу. Добрые слова приятно сержанту слушать.

— Кому добавки? Кому добавки?

— Ну что ж, подбрось, — отозвался ефрейтор Зюзин.

Добавил Юрченко Зюзину каши. Снова у кухни возится. Вдруг чудится Юрченко, словно бы кто-то в спину солдату смотрит. Повернулся — и в самом деле. Стоит в подворотне ближайшего дома с вершок, с ноготок мальчонка, на Зюзина, на кухню глазами голодными смотрит.

Сержант поманил мальчишку:

— Ну-ка ступай сюда.

Подошёл тот к солдатской кухне.

— Ишь ты, неробкий, — бросил ефрейтор Зюзин.

Взял Юрченко миску, наполнил кашей. Даёт малышу.

— Данке шён, — произнёс малыш. Схватил миску, умчался в подворотню.

Кто-то вдогонку бросил:

— Миску не сломай, смотри верни!

— Э-эх, наголодался, видать, — заметил Зюзин.

Прошло минут десять. Вернулся мальчишка. Тянет миску, а с ней и свою тарелку. Отдал миску, а сам на тарелку глазами косит.

— Что же тебе, добавки?

— Битте, фюр швестер, — сказал мальчишка.

— Для сестрёнки просит, — объяснил кто-то.

— Ну что же, тащи и сестрёнке, — ответил Юрченко.

Наполнил повар тарелку кашей.

— Данке шён, — произнёс мальчишка. И снова исчез в подворотне.

Прошло минут десять. Снова малыш вернулся. Подошёл он к походной кухне. Тянет тарелку:

— Битте, фюр муттер. (Просит для матери.)

Рассмеялись солдаты:

— Ишь ты какой проворный!

Получил и для матери мальчик каши.

Мальчонка был первым. Вскоре возле походной кухни уже группа ребят собралась. Стоят в отдалении, смотрят на миски, на кухню, на кашу.

Едят солдаты солдатскую кашу, видят голодных детей, каша не в кашу, в солдатские рты не лезет. Переглянулись солдаты. Зюзин на Юрченко, на Зюзина Юрченко.

— А ну, подходи! — крикнул ребятам Юрченко.

Подбежали ребята к кухне.

— Не толпись, не толпись, — наводит порядок Зюзин.

Выдал ребятам миски. Построил в затылок один другому.

Получают ребята кашу:

— Данке шён!

— Данке шён!

Наголодались, видать, ребята. Едят в три щеки ребята.

Вдруг в небе над этим местом взвыл самолёт. Глянули вверх солдаты. Не наш самолёт — фашистский.

— А ну по домам! А ну по домам! — погнал от кухни ребят ефрейтор Зюзин.

Не отходят ребята. Ведь рядом каша. Жаль расставаться с кашей.

— Марш! — закричал ефрейтор.

Пикирует самолёт. Отделилась бомба. Летит.

Бросились дети в разные стороны. Лишь Зюзин один замешкался. Ударила бомба — ни кухни, ни Зюзина. Лишь каша, словно живая, ползёт по камням, по притихшей улице.

НЕВИДИМЫЙ МОСТ

Автор: Сергей Алексеев

Мост не игла, не булавка. Мост обнаружишь сразу.

Первые советские части переправились на правый берег Днепра вплавь — на катерах и лодках.

Однако армия — это не только люди. Это и машины, и танки, и артиллерия. Для автомашин и танков необходимо горючее. Боеприпасы — для танков и артиллерии. Не переправишь всё это вплавь. Не годятся здесь катера и лодки. Необходимы мосты. К тому же прочные, грузоподъёмные.

Заметили как-то фашисты, что на одном из днепровских плацдармов вдруг появилось много советских солдат и военной техники. Ясно фашистам: значит, где-то рядом построили русские мост. Отправились на поиск моста самолёты-разведчики. Летали, летали пилоты. Брали севернее от плацдарма, брали южнее, поднимались вверх по течению Днепра, опускались вниз, к самой воде снижались — нет, не видно нигде моста.

Вернулись лётчики из полёта, докладывают:

— Не обнаружен мост. Видимо, нет моста.

Гадают фашисты: как же, каким тогда чудом переправились русские? Вновь посылают они разведку. Опять на поиск ушли самолёты.

Один из пилотов оказался других упорнее. Летал он, летал и вдруг — что такое? Смотрит, глазам не верит. Протёр глаза. Снова смотрит, опять не верит. Да и как тут поверишь! Там, внизу, под крылом, через Днепр идут советские солдаты. Идут без моста, по воде и не тонут. А вот и танки тронулись следом. И эти идут по воде. И эти — вот чудеса! — не тонут.

Вернулся лётчик поспешно на аэродром, генералу докладывает:

— Идут по воде солдаты!

— Как по воде?!

— По воде, по воде, — уверяет лётчик. — И танки идут и не тонут.

Сел генерал к лётчику в самолёт. Подлетели они к Днепру. Всё верно: идут по воде солдаты. И танки тоже идут и не тонут.

Смотришь вниз — чудеса, да и только!

В чём же дело? Соорудили мост так, что настил его не возвышался над водой, как обычно, а, наоборот, уходил под воду — ниже уровня воды укрепили настил сапёры.

Глянешь на этот мост — всё верно: идут по воде солдаты.

Люто бомбили фашисты мост. Бомбили, да бомбы летели мимо. Вот ведь какой сверхчудесный мост.

ГОРЫ

Автор: Сергей Алексеев

Слева и справа холмы чуть заслонили небо. Между ними лежит равнина. Февраль. Снег укутал холмы и поле. Вдали, чуть виден, стоит ветряк. Ворон над полем раскинул крылья.

Страшно глянуть сюда на поле. И вширь и вдаль, куда только хватает глаз, фашистских мундиров горы. А рядом горы сгоревших танков, разбитые пушки — металла сплошные груды.

В этих местах шла Корсунь-Шевченковская битва.

Корсунь-Шевченковский — город на Украине. Здесь, южнее Киева, недалеко от Днепра, в январе 1944 года, продолжая громить фашистов, советские войска окружили десять дивизий врага.

Предложили наши фашистам сложить оружие. Направили парламентёров. Вручили они фашистскому генералу Вильгельму Штеммерману, который командовал окружёнными гитлеровцами, наши условия.

Отклонил предложение Штеммерман. Отдали ему из Берлина строжайший приказ держаться.

Крепко держались фашисты. Но сжали, сдавили фашистов наши. И вот осталось у фашистов совсем немного — село Шендеровка, село Комаровка, местечко на взгорке Скибин.

Стояла зима. Февраль набирал силы. Вот-вот завьюжит.

Погодой и намеревался воспользоваться Штеммерман. Решил он дожидаться метельной ночи и двинуться на прорыв.

— Не всё, господа, потеряно, — сказал Штеммерман офицерам. — Укроет нас вьюга. Пробьёмся из плена.

— Укроет нас вьюга, — вторят офицеры.

— Укроет нас вьюга, — зашептались солдаты. — Пробьёмся из плена. Вырвемся.

Ждут все вьюгу. На снег и буран надеются.

Явились буран и снег.

Собрались фашисты в ряды, в колонны. Двинулись на прорыв. В метельную ночь незаметно пройти надеялись. Однако были на страже наши. Зорко следили они за фашистами. Село Шендеровка, село Комаровка, местечко на взгорке Скибин — здесь и грянул последний бой.

Не спасли фашистов февраль и вьюга. Сражались фашисты с напором, с упорством. Шли как безумные напролом. Прямо на пушки, прямо на танки. Однако не у фашистов сила была, у наших.

Страшно после сражения было глянуть на поле битвы. Генерал Штеммерман тоже остался на этом поле.

55 тысяч фашистских солдат и офицеров было убито и ранено в Корсунь-Шевченковской битве. Много тысяч попало в плен. Ходит, гуляет по полю вьюга, укрывает снегом солдат фашистских.

ОКСАНКА

Автор: Сергей Алексеев

— Воевал?

— Воевал!

— И ты воевал?

— И я воевал!

— И Манька, — сказал Тараска.

— И Оксанка, — сказала Манька.

Да, воевали ребята: и Тараска, и Манька, и Богдан, и Гришка, и, представьте, Оксанка тоже, хотя Оксанке всего-то неполный год.

В дни, когда только-только окружили наши войска фашистов под Корсунь-Шевченковским, стояла небывалая для этой поры распутица. Морозы ослабли. Началась оттепель. Дороги размякли, разбухли, раскисли. Не дороги, а слёзы, сплошная хлябь.

Буксуют машины по этой хляби. Тягачи бессильны на этой хляби. Танки и те стоят.

Остановилось кругом движение.

— Снарядов! Снарядов! — на фронте кричат батареи.

— Дисков! Дисков! — требуют автоматчики.

Кончается минный запас на фронте, скоро не станет гранат, пулемётных лент.

Нужны войскам мины, снаряды, гранаты, патроны.

Однако остановилось кругом движение.

Нашли бойцы выход. На руках понесли снаряды, на руках потащили мины. Гранаты, фугасы, диски взвалили себе на плечи.

Видят жители местных сёл, в чём нужда у Советской Армии.

— И мы не безрукие!

— Давай груз и для наших плеч!

Пришли колхозники на помощь советским воинам.

Нагрузились люди свинцовой ношей. К фронту сквозь хляби двинулись.

— И я хочу, — заявил Тараска.

— И я хочу, — заявила Манька.

И Богдан, и Гришка, и другие ребята тоже.

Посмотрели на них родители. Взяли с собой ребят.

Нагрузились и дети для фронта ношей. Тоже несут снаряды.

Получили солдаты боеприпасы. Снова огонь по врагам открыли. Заухали мины. Заговорили, забили пушки.

Возвращаются ребята домой, слушают, как рвутся вдали снаряды.

— Наши, наши снаряды! — кричат ребята.

— Ура!

— Бей фашистов! — кричит Тараска.

— Бей фашистов! — кричит Богдан.

И Манька кричит, и Гришка кричит, и другие ребята тоже. Рады ребята, помогли они нашим.

Ну а при чём же, скажете вы, Оксана? Оксанке всего-то неполный год.

Мать Оксанки тоже хотела помочь солдатам. Но как быть с Оксанкой? Не с кем оставить Оксанку дома. Взяла её мать с собой. Сзади за плечами несла она мешок с дисками для автоматов, а впереди на руках Оксанку. Для забавы сунула ей патрон.

Когда достигли колхозники назначения и вручили бойцам поклажу, один из бойцов увидел Оксанку, подошёл, наклонился:

— Откуда ты, малое?

Посмотрела на бойца девочка. Улыбнулась. Моргнула. Протянула ему ручонку. Смотрит боец, на ручонке лежит патрон.

Принял боец патрон. В обойму автоматную вставил.

— Спасибо, — сказал Оксанке.

ПЕРВАЯ КОЛОННА

Автор: Сергей Алексеев

В 1941 году фашисты блокировали Ленинград. Отрезали город от всей страны. Попасть в Ленинград можно было лишь по воде, по Ладожскому озеру.

В ноябре наступили морозы. Замёрзла, остановилась водяная дорога.

Остановилась дорога — значит, не будет подвоза продуктов, значит, не будет подвоза горючего, не будет подвоза боеприпасов. Как воздух, как кислород нужна Ленинграду дорога.

— Будет дорога! — сказали люди.

Замёрзнет Ладожское озеро, покроется крепким льдом Ладога (так сокращённо называют Ладожское озеро). Вот по льду и пройдёт дорога.

Не каждый верил в такую дорогу. Непокойна, капризна Ладога. Забушуют метели, пронесётся над озером пронзительный ветер — сиверик, — появятся на льду озера трещины и промоины. Ломает Ладога свою ледяную броню. Даже самые сильные морозы не могут полностью сковать Ладожское озеро.

Капризно, коварно Ладожское озеро. И всё же выхода нет другого. Кругом фашисты. Только здесь, по Ладожскому озеру, и может пройти в Ленинград дорога.

Труднейшие дни в Ленинграде. Прекратилось сообщение с Ленинградом. Ожидают люди, когда лёд на Ладожском озере станет достаточно крепким. А это не день, не два. Смотрят на лёд, на озеро. Толщину измеряют льда. Рыбаки-старожилы тоже следят за озером. Как там на Ладоге лёд?

— Растёт.

— Нарастает.

— Силу берёт.

Волнуются люди, торопят время.

— Быстрее, быстрее, — кричат Ладоге. — Эй, не ленись, мороз!

Приехали к Ладожскому озеру учёные-гидрологи (это те, кто изучает воду и лёд), прибыли строители и армейские командиры. Первыми решили пройти по неокрепшему льду.

Прошли гидрологи — выдержал лёд.

Прошли строители — выдержал лёд.

Майор Можаяев, командир дорожно-эксплуатационного полка, верхом на коне проехал — выдержал лёд.

Конный обоз прошагал по льду. Уцелели в дороге сани.

Генерал Лагунов — один из командиров Ленинградского фронта — на легковой машине по льду проехал.

Потрещал, поскрипел, посердился лёд, но пропустил машину.

22 ноября 1941 года по всё ещё полностью не окрепшему льду Ладожского озера пошла первая автомобильная колонна. 60 грузовых машин было в колонне. Отсюда, с западного берега, со стороны Ленинграда, ушли машины за грузами на восточный берег.

Впереди не километр, не два — двадцать семь километров ледяной дороги. Ждут на западном ленинградском берегу возвращения людей и автоколонны.

— Вернутся? Застрянут? Вернутся? Застрянут?

Прошли сутки. И вот:

— Едут!

Верно, идут машины, возвращается автоколонна. В кузове каждой из машин по три, по четыре мешка с мукой. Больше пока не брали. Некрепок лёд. Правда, на буксирах машины тянули сани. В санях тоже лежали мешки с мукой, по два, по три.

С этого дня и началось постоянное движение по льду Ладожского озера. Вскоре ударили сильные морозы. Лёд окреп. Теперь уже каждый грузовик брал по 20, по 30 мешков с мукой. Перевозили по льду и другие тяжёлые грузы.

Нелёгкой была дорога. Не всегда здесь удачи были. Ломался лёд под напором ветра. Тонули порой машины. Фашистские самолёты бомбили колонны с воздуха. И снова наши несли потери. Застывали в пути моторы. Замерзали на льду шофёры. И всё же ни днём, ни ночью, ни в метель, ни в самый лютый мороз не переставала работать ледовая дорога через Ладожское озеро.

Стояли самые тяжёлые дни Ленинграда. Остановись дорога — смерть Ленинграду.

Не остановилась дорога. «Дорогой жизни» ленинградцы её называли.

ТАНЯ САВИЧЕВА

Голод смертью идёт по городу. Не вмещают погибших ленинградские кладбища. Люди умирали у станков. Умирали на улицах. Ночью ложились спать и утром не просыпались. Более 600 тысяч человек скончалось от голода в Ленинграде.

Среди ленинградских домов поднимался и этот дом. Это дом Савичевых. Над листками записной книжки склонилась девочка. Зовут её Таня. Таня Савичева ведёт дневник.

Записная книжка с алфавитом. Таня открывает страничку с буквой «Ж». Пишет:

«Женя умерла 28 декабря в 12.30 час. утра. 1941 г.».

Женя — это сестра Тани.

Вскоре Таня снова садится за свой дневник. Открывает страничку с буквой «Б». Пишет:

«Бабушка умерла 25 янв. в 3 ч. дня 1942 г.». Новая страница из Таниного дневника. Страница на букву «Л».

Читаем:

«Лека умер 17 марта в 5 ч. утра 1942 г.». Лека — это брат Тани.

Ещё одна страница из дневника Тани. Страница на букву «В». Читаем:

«Дядя Вася умер 13 апр. в 2 ч. ночи. 1942 год». Ещё одна страница. Тоже на букву «Л». Но написано на оборотной стороне листка: «Дядя Лёша. 10 мая в 4 ч. дня 1942». Вот страница с буквой «М». Читаем: «Мама 13 мая в 7 ч. 30 мин. утра 1942». Долго сидит над дневником Таня. Затем открывает страницу с буквой «С». Пишет: «Савичевы умерли».

Открывает страницу на букву «У». Уточняет: «Умерли все».

Посидела. Посмотрела на дневник. Открыла страницу на букву «О». Написала: «Осталась одна Таня».

Таню спасли от голодной смерти. Вывезли девочку из Ленинграда.

Но не долго прожила Таня. От голода, стужи, потери близких подорвалось её здоровье. Не стало и Тани Савичевой. Скончалась Таня. Дневник остался. «Смерть фашистам!» — кричит дневник.

ШУБА

Автор: Сергей Алексеев

Группу ленинградских детей вывозили из осаждённого фашистами Ленинграда «Дорогой жизни». Тронулась в путь машина.

Январь. Мороз. Ветер студёный хлещет. Сидит за баранкой шофёр Коряков. Точно ведёт полуполторку.

Прижались друг к другу в машине дети. Девочка, девочка, снова девочка. Мальчик, девочка, снова мальчик. А вот и ещё один. Самый маленький, самый щупленький. Все ребята худы-худы, как детские тонкие книжки. А этот и вовсе тощ, как страничка из этой книжки.

Из разных мест собрались ребята. Кто с Охты, кто с Нарвской, кто с Выборгской стороны, кто с острова Кировского, кто с Васильевского. А этот, представьте, с проспекта Невского. Невский проспект — это центральная, главная улица Ленинграда. Жил мальчонка здесь с папой, с мамой. Ударил снаряд, не стало родителей. Да и другие, те, что едут сейчас в машине, тоже остались без мам, без пап. Погибли и их родители. Кто умер от голода, кто под бомбу попал фашистскую, кто был придавлен рухнувшим домом, кому жизнь оборвал снаряд. Остались ребята совсем одинокими. Сопровождает их тётя Оля. Тётя Оля сама подросток. Неполных пятнадцать лет.

Едут ребята. Прижались друг к другу. Девочка, девочка, снова девочка. Мальчик, девочка, снова мальчик. В самой серёдке — кроха. Едут ребята. Январь. Мороз. Продувает детей на ветру. Обхватила руками их тётя Оля. От этих тёплых рук кажется всем теплее.

Идёт по январскому льду полуполторка. Справа и слева застыла Ладога. Всё сильнее, сильнее мороз над Ладогой. Коченеют ребячьи спины. Не дети сидят — сосульки.

Вот бы сейчас меховую шубу.

И вдруг... Затормозила, остановилась полуполторка. Вышел из кабины шофёр Коряков. Снял с себя тёплый солдатский овчинный тулуп. Подбросил Оле, кричит: . — Лови!

Подхватила Оля овчинный тулуп:

— Да как же вы... Да, право, мы...

— Бери, бери! — прокричал Коряков и прыгнул в свою кабину.

Смотрят ребята — шуба! От одного вида её теплее.

Сел шофёр на своё шофёрское место. Тронулась вновь машина. Укрыла тётя Оля ребят овчинным тулупом. Ещё теснее прижались друг к другу дети. Девочка, девочка, снова девочка. Мальчик, девочка, снова мальчик. В самой середке — кроха. Большим оказался тулуп и добрым. Побежало тепло по ребячьим спинам.

Довёз Коряков ребят до восточного берега Ладожского озера, доставил в посёлок Кобона. Отсюда, из Кобоны, предстоял им ещё далёкий- далёкий путь. Простился Коряков с тётей Олей. Начал прощаться с ребятами. Держит в руках тулуп. Смотрит на тулуп, на ребят. Эх бы ребятам тулуп в дорогу... Так ведь казённый, не свой тулуп. Начальство голову сразу снимет. Смотрит шофёр на ребят, на тулуп. И вдруг...

— Эх, была не была! — махнул Коряков рукой.

Поехал дальше тулуп овчинный.

Не ругало его начальство. Новую шубу выдало.

МЫ ПРИШЛИ, СЕВАСТОПОЛЬ!

Прошло две зимы, два лета. И вот весна 1944 года. По всем фронтам идёт мощное советское наступление. Фашисты разбиты под Сталинградом. Разбиты в боях под Курском. Советские войска переправились через Днепр, погнали врага на запад. Началось стремительное наступление советских войск и здесь, на юге. Сокрушив оборону фашистов, советские части ворвались в Крым. 6 мая 1944 года начался штурм Севастополя.

— Даёшь Севастополь!

— Сева-сто-поль!

— Да-а-ёшь Сева-сто-поль!

Бойцы штурмовали Сапун-гору. Поднялась гора у города, прикрыла собой Севастополь. Возьмёшь Сапун-гору — и твой Севастополь.

— Да-а-ёшь Севастополь!

Кипит на горе сражение. Укрепили фашисты гору. Шесть линий траншей пролегли по скатам. Тысячи мин облепили склоны.

Куда ни глянешь — завалы, накаты, доты. Негде ступить ногой.

Штурмуют войска вершину. Дырявят снаряды гору. Трещат завалы, накаты, доты. Железо и камень взлетают к небу. Залп за залпом, как волны в море, несут на гору потоки стали. И ярость боя крушит округу. Как адский молот грохочут взрывы. И даже страшно: чуть взрыв сильнее ударит в гору, и та, уставши, возьмёт и треснет. Расколют гору огонь и ярость. Идёт сражение. И всё сдаётся: ещё минута — и воин в штурме, в победной силе, упрётся в гору и гору сдвинет.

Вместе со всеми штурмовал Сапун-гору и солдат Иван Яцуненко. Хорошо, когда друзья и товарищи рядом. Легче в общей идти атаке.

Вот рядом Илья Поликахин с гранатой в руке атакует блиндаж фашистов. Вот лейтенант Михаил Головня возглавляет на дзот атаку. Вот из пулемёта метким огнём разит фашистов Кузьма Масколенко. А вот старший сержант Евгений Смелович. Он совсем рядом бежит с Яцуненко. Знамя полка в руках у Смеловича.

Обернулся на миг Яцуненко. Глянул туда, за спину, вниз со ската Сапун-горы. Видит: наши танки идут лавиной. Глянул в небо. На Сапун-гору обрушились советские штурмовики.

«Катюши» из долины на гору смертельный пунктир послали. А там между гор у Балаклавы, где мелькнула полоска моря, увидел Яцуненко советские военные корабли. И черноморцы в бою со всеми.

— Сева-сто-поль!

— Да-а-ёшь Сева-сто-поль!

Бежит Яцуненко, разит фашистов, увлётся боем.

Вдруг что такое? А где Евгений Смелович? Где знамя части?

Оказалось, упал Смелович. Был он ранен. Качнулось знамя. Но удержалось. Это подбежал Иван Яцуненко. Схватил он знамя.

— Давай, отважный! — кричат солдаты.

— Вперёд, к победе!

Рванулся воин туда, к вершине. Минует взрывы, обходит пули. Всё выше знамя. Всё ближе гребень. Прыжок олений — и ты у цели.

Поднял Иван Яцуненко знамя на вершину Сапун-горы. Заалело знамя на фоне неба.

А слева, справа другие стяги, касаясь славы, шагали к гребню. И вот с вершины открылся город.

— Да-а-ёшь Сева-сто-поль!

— Да-а-ёшь Сева-сто-поль!

— Мы пришли, Севастополь!

За штурм Сапун-горы и освобождение Севастополя более ста человек были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. В их числе был и солдат-знаменосец рядовой Иван Яцуненко.

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

Брестская крепость стоит на границе. Атаковали ее фашисты в первый же день войны.

Не смогли фашисты взять Брестскую крепость штурмом. Обошли ее слева, справа. Осталась она у врагов в тылу.

Наступают фашисты. Бои идут под Минском, под Ригой, под Львовом, под Луцком. А там, в тылу у фашистов, не сдается, сражается Брестская крепость.

Трудно героям. Плохо с боеприпасами, плохо с едой, особенно плохо с водой у защитников крепости.

Кругом вода — река Буг, река Муховец, рукава, протоки. Кругом вода, но в крепости нет воды. Под обстрелом вода. Глоток воды здесь дороже жизни.

— Воды!

— Воды!

— Воды! — несется над крепостью.

Нашелся смельчак, помчался к реке. Помчался и сразу рухнул. Сразили враги солдата. Прошло время, еще один отважный вперед рванулся. И он погиб. Третий сменил второго. Не стало в живых и третьего.

От этого места недалеко лежал пулеметчик. Строчил, строчил пулемет, и вдруг оборвалась очередь. Перегрелся в бою пулемет. И пулемету нужна вода.

Посмотрел пулеметчик — испарилась от жаркого боя вода, опустел пулеметный кожух. Глянул туда, где Буг, где протоки. Посмотрел налево, направо.

— Эх, была не была.

Пополз он к воде. Полз по-пластунски, змейкой к земле прижимался. Все ближе к воде он, ближе. Вот рядом совсем у берега. Схватил пулеметчик каску. Зачерпнул, словно ведром, воду. Снова змейкой назад ползет. Все ближе к своим, ближе. Вот рядом совсем. Подхватили его друзья.

— Водицу принес! Герой!

Смотрят солдаты на каску, на воду. От жажды в глазах мутится. Не знают они, что воду для пулемета принес пулеметчик. Ждут, а вдруг угостит их сейчас солдат — по глотку хотя бы.

Посмотрел на бойцов пулеметчик, на иссохшие губы, на жар в глазах.

— Подходи, — произнес пулеметчик.

Шагнули бойцы вперед, да вдруг...

— Братцы, ее бы не нам, а раненым, — раздался чей-то голос.

Остановились бойцы.

— Конечно, раненым!

— Верно, тащи в подвал!

Отрядили солдаты бойца в подвал. Принес он воду в подвал, где лежали раненые.

— Братцы, — сказал, — водица...

Повернулись на голос головы. Побежала по лицам радость. Взял боец кружку, осторожно налил на донышко, смотрит, кому бы дать. Видит, солдат в бинтах весь, в крови солдат.

— Получай, — протянул он солдату кружку.

Потянулся было солдат к воде. Взял уже кружку, да вдруг:

— Нет, не мне, — произнес солдат. — Не мне. Детям тащи, родимый.

— Детям! Детям! — слышались голоса.

Понес боец воду детям. А надо сказать, что в Брестской крепости вместе со взрослыми бойцами находились и женщины и дети — жены и дети военнослужащих.

Спустился солдат в подвал, где были дети.

— А ну, подходи, — обратился боец к ребятам. —

Подходи, становись, — и, словно фокусник, из-за спины вынимает каску.

Смотрят ребята — в каске вода.

— Вода!

Бросились дети к воде, к солдату.

Взял боец кружку, осторожно налил на донышко.

Смотрит, кому бы дать. Видит, рядом малыш с горошину.

— На, — протянул малышу.

Посмотрел малыш на бойца, на воду.

— Папке, — сказал малыш. — Он там, он стреляет.

— Да пей же, пей, — улыбнулся боец.

— Нет, — покачал головой мальчонка. — Папке. — Так и не выпил глотка воды.

И другие за ним отказались.

Вернулся боец к своим. Рассказал про детей, про раненых. Отдал он каску с водой пулеметчику.

Посмотрел пулеметчик на воду, затем на солдат, на бойцов, на друзей. Взял он каску, залил в металлический кожух воду. Ожил, заработал, застрочил пулемет.

Прикрыл пулеметчик бойцов огнем. Снова нашлись смельчаки. К Бугу, смерти навстречу, поползли. Вернулись с водой герои. Напоили детей и раненых.

Отважно сражались защитники Брестской крепости. Но становилось их все меньше и меньше. Бомбили их с неба. Из пушек стреляли прямой наводкой. Из огнеметов.

Ждут фашисты — вот-вот, и запросят пощады люди. Вот-вот, и появится белый флаг.

Ждали, ждали — не виден флаг. Пощады никто не просит.

Тридцать два дня не умолкали бои за крепость «Я умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина!» — написал на стене штыком один из последних ее защитников.

Это были слова прощанья. Но это была и клятва. Сдержали солдаты клятву. Не сдались они врагу.

Поклонилась за это страна героям. И ты на минуту замри, читатель. И ты низко поклонись героям.

ПОДВИГ У ДУБОСЕКОВА

В середине ноября 1941 года фашисты возобновили свое наступление на Москву. Один из главных танковых ударов врага пришелся по дивизии генерала Панфилова.

Разъезд Дубосеково. 118-й километр от Москвы. Поле. Холмы. Перелески. Чуть поодаль петляет Лама. Здесь, на холме, на открытом поле, герои из дивизии генерала Панфилова преградили фашистам путь.

Их было 28. Возглавлял бойцов политрук Клочков.

Врылись солдаты в землю. Прильнули к краям окопов.

Рванулись танки, гудят моторами. Сосчитали солдаты:

— Двадцать штук.

Усмехнулся Клочков:

— Двадцать танков. Так это, выходит, меньше, чем по одному на человека.

— Меньше, — сказал рядовой Емцов.

— Конечно, меньше, — сказал Петренко.

Поле. Холмы. Перелески. Чуть поодаль петляет Лама.

Вступили герои в бой.

— Ура! — разнеслось над окопами.

Это солдаты первый подбили танк.

Снова гремит «ура!». Это второй споткнулся, фыркнул мотором, лязгнул броней и замер. И снова «ура!». И снова. Четырнадцать танков из двадцати подбили герои. Отошли, отползли уцелевших шесть.

— Поперхнулся, видать, разбойник, — произнес сержант Петренко.

— Эка же, хвост поджал.

Передохнули солдаты. Видят — снова идет лавина.

Сосчитали — тридцать фашистских танков.

Посмотрел на солдат политрук Клочков. Замерли все.

Притихли. Лишь слышен железа лязг. Ближе все танки, ближе.

— Друзья, — произнес Клочков, — велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва.

Вступили солдаты в битву. Все меньше и меньше в живых героев. Пали Емцов и Петренко. Погиб Бондаренко. Погиб Трофимов, Нарсунбай Есебулатов убит. Шопоков. Все меньше и меньше солдат и гранат.

Вот ранен и сам Клочков. Поднялся навстречу танку. Бросил гранату. Взорван фашистский танк. Радость победы озарила лицо Клочкова. И в ту же секунду сразила героя пуля. Пал политрук Клочков.

Стойко сражались герои-панфиловцы. Доказали, что мужеству нет предела. Не пропустили они фашистов.

Разъезд Дубосеково. Поле. Холмы. Перелески. Где-то рядом петляет Лама. Разъезд Дубосеково — для каждого русского сердца дорогое, святое место.

КРЕПОСТЬ

Не могут фашисты взять Сталинград. Стали утверждать, что Сталинград неприступная крепость: мол, окружают город непроходимые рвы, мол, поднялись вокруг Сталинграда валы и насыпи. Что ни шаг — то мощные оборонительные сооружения и укрепления, разные инженерные хитрости и ловушки.

Не называют фашисты городские кварталы кварталами, пишут — укрепрайоны. Не называют дома домами, пишут — форты и бастионы.

— Сталинград — это крепость, — твердят фашисты.

Пишут об этом немецкие солдаты и офицеры в письмах к себе домой. Читают в Германии письма.

— Сталинград — это крепость, крепость, — трубят в Германии.

Генералы строчат донесения. В каждой строчке одно и то же:

«Сталинград — это крепость. Неприступная крепость. Сплошные укрепрайоны. Неодолимые бастионы».

Фашистские газеты помещают статьи. И в этих статьях все о том же:

«Наши солдаты штурмуют крепость».

«Сталинград — сильнейшая крепость России».

«Крепость, крепость!» — кричат газеты. Даже фронтовые листовки об этом пишут.

А Сталинград крепостью никогда и не был. Нет никаких особых в нем укреплений. Город как город. Дома, заводы.

Одна из фашистских листовок попала к советским солдатам. Посмеялись солдаты: «Ага, не от легкой жизни фашисты такое пишут». Потом понесли, показали листовку члену Военного совета 62-й армии дивизионному комиссару Кузьме Акимовичу Гурову; мол, посмотри, товарищ комиссар, какие небылицы фашисты пишут.

Прочитал комиссар листовку.

— Все тут верно, — сказал солдатам. — Правду фашисты пишут. А как же, конечно, крепость.

Смутились солдаты. Может, оно и так. Начальству всегда виднее.

— Крепость, — повторил Гуров. — Конечно, крепость.

Переглянулись солдаты. Не будешь с начальством спорить! Улыбнулся Гуров.

— Ваши сердца и мужество ваше — вот она, неприступная крепость, вот они, неодолимые рубежи и укрепрайоны, стены и бастионы.

Улыбнулись теперь и солдаты. Понятно сказал комиссар. Приятно такое слушать.

Прав Кузьма Акимович Гуров. О мужество советских солдат — вот о какие стены сломали в Сталинграде фашисты шею.

ХАТЫНЬ

Солдат Желобкович шагал со всеми. По белорусской земле, по отчему краю идет солдат. Все ближе и ближе к родному дому. Деревня его — Хатынь.

Шагает солдат к друзьям боевым по роте:

— Не знаешь Хатыни? Хатынь, брат, лесное чудо!

И начинается солдат рассказ. Деревня стоит на поляне, на взгорке. Лес расступился здесь, солнцу дал волю. Мол, тридцать домов в Хатыни. Разбежались дома по поляне. Колодцы скользнули в землю. Дорога метнулась в ели. И там, где дорога прижалась к лесу, где ели уперлись стволами в небо, на самом бугре, на самом высоком краю Хатыни, он и живет — Иван Желобкович.

И напротив живет Желобкович. И слева живет Желобкович. И справа живет Желобкович. Их, Желобковичей, в этой Хатыни, как скажут, хоть пруд пруди.

Шел воин к своей Хатыни.

Дом вспоминал. Тех, кто остался в доме. Жену он оставил. Старуху мать, трехлетнюю дочь Маришку. Шагает солдат, Маришке несет подарок — ленту в ее косичку, ленту красную, как огонь.

Быстро идут войска. Вскоре увидит воин старуху мать. Обнимет старуху мать. Скажет солдат:

— Пришел.

Вскоре увидит солдат жену. Расцелует солдат жену.

Скажет солдат:

— Пришел!

На руки возьмет Маришку. Подбросит солдат Маришку.

Скажет и ей:

— Пришел!

Вынет солдат гостинец:

— На, получай, Маришка!

Шел воин к своей Хатыни. О друзьях, о соседях думал. Вскоре увидит всех Желобковичей. Увидит Яцкевичей, Рудаков, Мироновичей. Улыбнется солдат Хатыни. Скажет солдат:

— Пришел.

Вышли они к Хатыни. Рядом совсем, в километре от этих мест.

Солдат к командиру. Мол, рядом деревня. Вот тут, мол, овражек, за оврагом лесочек. Прошел лесочек, и вот Хатынь. Выслушал ротный.

— Ну что же, — сказал, — ступай.

Шагает солдат к Хатыни. Вот и овражек. Вот и лесочек. Вот-вот и избы сейчас покажутся. Сейчас он увидит мать. Сейчас он жену обнимет. Маришке вручит подарок. Подбросит Маришку к солнцу.

Прошел он лесочек. Вышел к поляне. Вышел — и замер. Смотрит, не верит — нет на месте своем Хатыни. На пепелище обгоревшие трубы одни торчат.

Остановился солдат, закричал:

— Где люди?! Где люди?!

Погибли в Хатыни люди. Взрослые, дети, старухи — все. Явились сюда фашисты:

— Партизаны! Бандиты! Лесные разбойники!

В сарай согнали фашисты жителей. Сожгли всех людей в сарае.

Подбежал солдат к отчому дому. Рухнул на пепел. Зарыдал, застонал солдат. Отлетел, выпал из рук гостинец. Затрепетала, забила от ветра лента. Взвилась красным пламенем над землей.

Хатынь не одна. На белорусской земле много таких Хатыней было.

ПОСЛЕДНИЕ МЕТРЫ ВОЙНА СЧИТАЕТ

Начался штурм рейхстага. Вместе со всеми в атаке Герасим Лыков.

Не снилось такое солдату. Он в Берлине. Он у рейхстага. Смотрит солдат на здание. Колонны, колонны, колонны. Стекланный купол венчает верх.

С боем прорвались сюда солдаты. В последних атаках, в последних боях солдаты. Последние метры война считает.

В сорочке родился Герасим Лыков. С 41-го он воюет. Знал отступления, знал окружения, два года идет вперед. Хранила судьба солдата.

— Я везучий, — шутил солдат. — В этой войне для меня не отлита пуля. Снаряд для меня не выточен.

И верно, не тронут судьбой солдат.

Ждут солдата в далеком краю российском жена и родители. Дети солдата ждут.

Ждут победителя. Ждут!

В атаке, в порыве лихом солдат. Последние метры война считает. Не скрывает радость свою солдат. Смотрит солдат на рейхстаг, на здание. Колонны, колонны, колонны. Стекланный купол венчает верх.

Последний раскат войны.

— Вперед! Ура! — кричит командир.

— Ура-а-а! — повторяет Лыков.

И вдруг рядом с солдатом снаряд ударил. Поднял он землю девятым валом. Сбила она солдата. Засыпан землей солдат.

Кто видел, лишь ахнул:

— Вот так пуля ему не отлита.

— Вот так снаряд не выточен.

Знают все в роте Лыкова — отличный товарищ, солдат примерный.

Жить бы ему да жить. Вернуться бы к жене, к родителям. Детей радостно расцеловать.

И вдруг снова снаряд ударил. Рядом с тем местом, что первый. Немного совсем в стороне. Рванул и этот огромной силой. Поднял он землю девятым валом.

Смотрят солдаты — глазам не верят.

Жив оказался солдат. Засыпал — отсыпал его снаряд. Вот ведь судьба бывает. Знать, и вправду пуля ему не отлита. Снаряд для него не выточен.

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

- Сержант Егоров!
- Я, сержант Егоров.
- Младший сержант Кантария.
- Я, младший сержант Кантария.

Бойцов вызвал к себе командир. Советским солдатам доверялось почетное задание. Им вручили боевое знамя. Это знамя нужно было установить на здании рейхстага.

Ушли бойцы. Многие с завистью смотрели им вслед. Каждый сейчас хотел быть на их месте.

У рейхстага идет бой.

Пригнувшись, бегут Егоров и Кантария через площадь. Советские воины внимательно следят за каждым их шагом. Вдруг фашисты открыли бешеный огонь, и знаменосцам приходится лечь за укрытие. Тогда наши бойцы вновь начинают атаку. Егоров и Кантария бегут дальше.

Вот они уже на лестнице. Подбежали к колоннам, подпирающим вход в здание. Кантария подсаживает Егорова, и тот пытается прикрепить знамя у входа в рейхстаг.

«Ох, выше бы!» — вырывается у бойцов. И, как бы услышав товарищей, Егоров и Кантария снимают знамя и бегут дальше. Они врываются в рейхстаг и исчезают за его дверьми.

Бой уже идет на втором этаже. Проходит несколько минут, и в одном из окон, недалеко от центрального входа, вновь появляется Красное знамя. Появилось. Качнулось. И вновь исчезло.

Забеспокоились солдаты. Что с товарищами? Не убиты ли?!

Проходит минута, две, десять. Тревога все больше и больше охватывает солдат. Проходит еще тридцать минут.

И вдруг крик радости вырывается у сотен бойцов. Друзья живы. Знамя цело. Пригнувшись, они бегут на самом верху здания — по крыше. Вот они выпрямились во весь рост, держат знамя в руках и приветственно машут товарищам. Потом вдруг бросаются к застекленному куполу, который поднимается над крышей рейхстага, и осторожно начинают карабкаться еще выше.

На площади и в здании еще шли бои, а на крыше рейхстага, на самом верху, в весеннем небе над побежденным Берлином уже уверенно развевалось Знамя Победы.

Два советских воина, русский рабочий Михаил Егоров и грузинский юноша Милитон Кантария, а вместе с ними и тысячи других бойцов разных национальностей сквозь войну принесли его сюда, в самое фашистское логово, и установили на страх врагам, как символ непобедимости советского оружия.

Прошло несколько дней, и фашистские генералы признали себя окончательно побежденными. Гитлеровская Германия была полностью разбита. Великая освободительная война советского народа против фашизма закончилась полной нашей победой.

Был май 1945 года. Гремела весна. Ликовали люди и земля. Москва салютовала героям. И радость огнями взлетала в небо.